

КОНСТАНТИНОС КАВАФИС

Перевод с греческого и вступление С. ИЛЬИНСКОЙ

В последние годы о Константиносе Кавафисе писали и спорили больше, чем о ком бы то ни было из новогреческих поэтов. 1963 год, год двойного юбилея — 100 лет со дня рождения поэта и 30 лет со дня его смерти, — был отмечен в Греции как «год Кавафиса». «Кавафис не из тех поэтов, которых читаешь один только раз, — писал тогда лауреат Ленинской премии мира греческий поэт Костас Варналис. — Он из тех, к кому все время возвращаешься и обнаруживаешь, что стихи их актуальны в самых разных жизненных ситуациях».

Почти всю свою жизнь Кавафис прожил в Александрии. Издавна этот древний город был центром богатых греческих коммерсантов. Рубеж XX века — время их упадка. Это время укрепления в Египте английских колонизаторов. И сам Кавафис, происходивший из богатой и знатной, но разорившейся со смертью отца семьи, до преклонных лет работал служащим в учреждении, шефами которого были англичане. Александрия вошла в поэзию Кавафиса в образе Города, парализованного неизлечимой внутренней болезнью и тщетно пытающегося скрыть ее за пышностью отживших ритуалов. Этот ведущий в творчестве Кавафиса образ стал для него символом безразличного мира, растоптавшего жалкие обломки идеалов, мира, такого несправедливого и жестокого по отношению к человеческой личности, запутавшейся в его лабиринтах.

Маска истории, которую Кавафис надевает на себя и на своих героев, не скрывает ни от современников, ни от потомков поэта злободневного содержания его стихотворений. Не случайно из огромных арсеналов истории Кавафис извлекает именно периоды распада общественных формаций — канун крушения эллинизма, Римской империи, Византии. Это как раз такие страницы прошлого, в которых Кавафис видит портрет настоящего.

Поэт видит торжество зла и насилия, и все-таки он верит, что человек при любых условиях обязан оберегать свои Фермопилы подобно 300 спартамцам даже тогда, когда победа зла неминуема. Есть свои Фермопилы и у поэта. Пусть его путь труден, пусть стеною встают перед ним «привычек мелочность и равнодушие», он не имеет права быть сломленным.

Выбирая в герои своих стихотворений выдающиеся фигуры древности, Кавафис низводит их с пьедестала и обнажает их чисто человеческие качества, проявляемые в наиболее критические моменты жизни. Читатель призван домыслить то, что ему не показали. Одна или две — чаще всего заключительные — строки сообщают направление его мысли, приоткрывают замысел поэта.

Стихи Кавафиса живыми символами вошли в сознание нескольких поколений греческой интеллигенции, некоторые строки стали афоризмами. Интерес к поэзии Кавафиса вышел за пределы Греции, его переводили и продолжают переводить на многие европейские языки.

Ожидая варваров

Зачем на площади сошлись сегодня горожане?

Сегодня варвары сюда придут.

Так что ж бездействует сенат, закрыто заседание,
сенаторы безмолвствуют, не издают законов?

Ведь варвары сегодня прибывают.
Зачем законы издавать сенаторам?
Придут варвары, чтобы издать законы.

Зачем наш император встал чуть свет,
и почему у городских ворот
на троне и в короне восседает?

Ведь варвары сегодня прибывают,
наш император ждет их предводителя
ему пожалует он титулы высокие,
уже пергамент дарственный готов.

Зачем же наши консулы и преторы
в расшитых красных тогах появились,
зачем браслеты с аметистами надели,
зачем на пальцах кольца с изумрудами?
Их жезлы серебром, эмалью разукрашены.
Зачем у них сегодня эти жезлы?

Ведь варвары сегодня прибывают,
обычно роскошь ослепляет варваров.

Что риторов достойных не видать?
Не слышно почему-то их речей.

Ведь варвары сегодня прибывают,
а речи им как будто не по нраву.

Однако что за беспокойство в городе?
И отчего пустеют улицы и площади?
И почему, охваченный волнением,
спешит народ укрыться по домам?

Спустилась ночь, а варвары не прибыли.
А с государственных границ нам донесли,
что их и вовсе нет уже в природе.

И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход.

Стены

Бездумно и без капли сожаленья
гигантские вокруг меня воздвигли стены.

И вот теперь терзаюсь в заточенье,
встревоженный ужасной переменой

судьбы, которая меня к свершениям звала.
Как мог я наслаждаться тишиною мнимой,

как не заметил стройки, что росла!
От мира отгорожен я неслышно и незримо.

Теодот

Если избранником судьбы ты стал достойно,
смотри, каким путем к тебе приходит власть.
Сейчас ты славен, подвиги твои
молва проворная несет из уст в уста,
из края в край земли; поклонников толпа
тебя почетом в Риме окружает,
но радости не будет на душе,
не будет чувства, что судьбы своей достоин,
когда в Александрии, после пышной встречи,
на окровавленном подносе Теодот
тебе главу Помпея принесет.

Ты думаешь, что жизнь твоя скромна,
течет без бурь, вдали от треволнений
и нет в ней места ужасам подобным?
Не обманись, быть может, в этот час
в соседний дом, такой спокойный, мирный —
хозяин деловит, трудолюбив —
неслышной поступью заходит Теодот
и столь же страшную главу с собой несет.

Александрийские монархи

Сошлись александрийцы посмотреть
на отпрысков прекрасной Клеопатры,
на старшего Цезариона и на младших,
на Александра и на Птолемея,
что выступят в Гимнастии впервые,
где их царями ныне назовут
перед блестящим воинским парадом.

Мидии, Парфии, Армении владыкой
всесильным Александра нарекли.
Сирийским, киликийским, финикийским
владыкою был назван Птолемей.
Однако первым был Цезарион —
в одеждах нежно-розового шелка,
украшенных букетом гиацинтов,
с двойным узором аметистов и сапфиров
на поясе слепящей красоты
и с крупным жемчугом на белых лентах,
увивших ноги стройные его.
Был вознесен он выше младших братьев,
провозглашен Царем среди Царей.

Разумные александрийцы знали,
что это было только представленье.

Но день был теплым и дышал поэзией,
лазурью ясной небеса сияли,
Гимнасий Александрии по праву
венцом искусства вдохновенного считался,
Цезарион был так красив и так изящен
(сын Клеопатры, Лага славного потомок).
И торопились, и к Гимнасию сбегались,
и криками восторга одобряли
(на греческом, арабском и еврейском)
блестящий тот парад александрийцы,
а знали ведь, что ничего не стоят,
что звук пустой — цари и царства эти.

Срок Нерона

Дельфийское пророчество услышав,
далек от беспокойства был Нерон:
«Страшись семидесяти трех годов...»
Немало времени, чтоб жизнью насладиться.
Ему лишь тридцать. Срок немалый бог
отвел Нерону, чтоб предупредить,
предотвратить далекие угрозы.
Сейчас он в Рим вернется, утомленный
прекрасным путешествием своим,
но как приятно это утомленье
от удовольствий, что вкусил Нерон
в Гимнасии, театрах и садах.
О, вечера ахейских городов!
О, сладострастье обнаженных тел...

Так думает Нерон. В Испании же Гальба
в глубокой тайне войско собирает,
старик семидесяти трех годов.

Сатрапия

Как горек твой удел, когда тебе,
взращенному для дел великих и прекрасных,
судьба злосчастная отказывает вечно
в поддержке и заслуженном успехе,
когда стеною на пути встают
привычек мелочность и равнодушие!
И как ужасен день, когда ты сломлен,
тот день, когда, поддавшись искушенью,
уходишь ты в далекий город Сузы
к всеильному монарху Артаксерксу,
в его дворце ты принят благосклонно,
тебе дарят сатрапии и прочее.
И ты, отчаявшись, покорно принимаешь
дары, что сердцу вовсе не желанны.
Другого жаждет сердце, о другом тоскует:
о похвале общины и софистов,
о дорогом, бесценном слове «Эвге!»*,
о шумном рынке, о театре и венках.
Нет, Артаксеркс такого не подарит,
в сатрапии такого не найдешь,
а что за жизнь без этого на свете.

Приходи

Почаще приходи, я жду тебя,
бесценное, прекрасное волнение,
когда все тело обретает память,
когда былая страсть в крови бушует,
когда трепещут помнящие губы
и руки вновь живут прикосновеньем.

Почаще приходи, я жду в ночи,
когда трепещут помнящие губы...

Послеполуденное солнце

Как хорошо я знаю эту комнату.
Сейчас она сдается под контору.
И эта и соседняя. Весь дом
во власти адвокатов и торговых фирм.

Ах, эта комната, как мне она знакома!

* Отлично, превосходно (др. греч.)

Вот здесь, у двери, был тогда диван,
а на полу лежал ковер турецкий.
Две вазы желтые стояли тут, на полке.
Направо, нет, напротив — шкаф зеркальный.
Посередине — стол и три большие
удобные соломенные кресла.
А здесь, возле окна, была кровать,
где столько раз любили мы друг друга.

Бог знает, где теперь вся эта мебель!

Вот здесь, возле окна, была кровать.
Как раз до середины доставали
лучи послеполуденного солнца.
После обеда, кажется, в четыре,
расстались мы лишь на одну неделю.
Увы, она на вечность затянулась.

Свечи

Дни будущего предо мной стоят
цепочкой радужной свечей зажженных —
живых, горячих, золотистых свечек.

Дни миновавшие остались позади
печальной чередой свечей погасших,
те, что поближе, все еще дымятся,
холодные, расплывшиеся свечи.

Мне горько сознавать, что их немало,
мне больно первый свет их вспоминать.
Смотрю вперед, на ряд свечей зажженных.

И обернуться страшно, страшно ужаснуться:
как быстро темная толпа густеет,
как быстро множится число свечей погасших.

Город

Ты мне сказал: «Уеду я за море.
Получше город для меня чайдется.
А здесь судьба мне никогда не улыбнется.
Мой ум и сердце словно омертвели.
Так до каких же пор я буду жить без цели
в руинах прожитых напрасно лет,
куда ни оглянись — везде их след.
Ни радости, ни счастья — только горе!»

Ты можешь колесить по всей планете,
но всюду верной тенью за тобой
помчится город; те же улицы гурьбой
по следу будут твоему идти.
И чтоб бежать от них — нет судна, нет пути!
Надежды тщетны. В маленьком краю
безжалостно растратив жизнь свою,
ты потерял ее на целом свете.

Фермопилы

Честь вечная и память тем, кто в жизни
воздвиг и охраняет Фермопилы,
кто, долга никогда не забывая,
во всех своих поступках справедлив,
однако милосердию не чужд.
кто щедр в богатстве,
но и в бедности не скуп
и руку помощи всегда протянет,
кто, ненавидя ложь, лишь правду говорит,
но на солгавших зла в душе не держит.

Тем большая им честь, когда предвидят
(а многие предвидят), что в конце
появится коварный Эфиальт
и что мидийцы все-таки прорвутся.

